

Есть люди, по биографии которых можно изучать историю. Они не только находились в эпицентре великих событий, были их участниками, но и пережили их. Олег Генрихович Ивановский одним из первых встретил войну на границе и закончил ее на Параде Победы, а потом был последним, кто закрывал люк «Востока», отправляя Юрия Гагарина в космос.

У него множество наград - и боевых, и трудовых, но главной наградой Олег Генрихович считает счастье встретить очередной День космонавтики и 60-летие Победы.

Мы с Олегом дружим уже четыре десятка лет. Случается, я приезжаю к нему в Музей НПО имени С.А. Лавочкина, и он с гордостью показывает космические аппараты, которые достигали Луны, Марса и Венеры и в создании которых он тоже принимал участие. Но в нынешней беседе мы коснулись только двух главных его дней жизни...

Недавно я получил письмо от однополчанина, - начал он свой рассказ. - Вот несколько строк из него: «Видел тебя в старой хронике о пуске Гагарина. Ты провожаешь его по трапу к кораблю. Подумал: мы ведь последнее поколение, заставшее его полет, его триумф. А остальные, те, кто помоложе, знают его только по фильмам и книгам. Как и о войне. Не правда ли, быстро бежит время... А ведь такое ощущение, будто все, что происходило с нами, случилось только вчера».

Мне тоже так кажется...
- А ведь уже десятилетия прошли. И мы постарели. И сердце уже дважды отказывало, но потом все-таки возвращало к жизни. К счастью, память не подводит. Человек ведь помнит лучшее, что было в его жизни. Я иногда удив-

рабочего дня заглянул ко мне один из ведущих инженеров нашего КБ. Сел на диван и повел в общем - то обычный разговор: мол, интересно, конечно, работать в КБ, но участвовать в создании совсем нового - причем непосредственно на производстве - гораздо лучше.

Это было летом 57-го?
- Да. Потом он выкладывает главное: «Давай работай вместе!» «Кем?» - спрашиваю. «У меня замом, а я назначен ведущим конструктором спутника. Если, конечно, Сергей Павлович мою идею поддержит». Я согласился. В тот же вечер я был у Королева. «Ну что, договорились?» - спросил он. Я пробормотал вроде того, что для меня все это ново. «А вы думаете, все, что мы делаем, для всех нас не ново? - сказал Сергей Павлович. - На космос думаем замахнуться, спутники Земли делать

Олег ИВАНОВСКИЙ:

ОТ ПОБЕДЫ ДО «ВОСТОКА»

ляюсь, насколько близки те дни. Потом было много других, но они слились, а те дни память хранит. Ведь мы, фронтовики, всегда помним фамилии своих командиров, товарищей по имени и отчеству, а те, с кем встречался в обыденные дни и годы, зачастую уходят из памяти быстро и безвозвратно. Если люди делают горе и радость поровну, они становятся близкими, родными. Поэтому война и космонавтика определили мою жизнь.

Но ведь понимание величия событий не было в то время!

- Я люблю Валерия Брюсова. Однажды он сказал: «Грандиозные события неощутимы для непосредственных участников: каждый видит лишь одну деталь, находящуюся перед глазами, объем целого ускользает от наблюдения. Поэтому, вероятно, очень многие как-то не замечают, что человечество вошло в «эпоху чудес». Так что, действительно, невозможно оценить высоту пирамиды, если стоишь у ее основания. Нужно обязательно отойти. Запустили мы первый спутник. Понимали, конечно, значение этого события, но не ждали такой реакции. И вдруг: «новая эра», «космическая эпоха человечества». Честно говоря, не думалось об этом. Вот, помню, вес - 83,6 килограмма. Однажды в цехе рабочие установили на весы подставку и осторожно опустили на нее «пэсик» («простейший» - так называли мы первый спутник). Девушка-лаборантка записала в графе «вес» число 83,6. Простейшая технологическая операция. А оказалось: эта цифра - сенсация! Ведь она была свидетельством мощности ракеты, совершенства нашей науки и техники.

Мы невольно перескочили из 61-го года в 57-й...

- Почему «невольно»? Триумф Гагарина начался для человечества 4 октября 1957 года.

Стоп! Сначала немного о личном. Когда космос начался для тебя?

- После войны я пошел работать в организацию, которой руководил Сергей Павлович Королев. Работал в цехе. Занимались боевыми ракетами. О космосе даже разговоров не было. Однажды в конце

будем - не ново? Человека в космос пошлем, к Луне полетим - не ново? К другим планетам отправимся - старо, что ли? Или, вы думаете, и у меня есть опыт полетов к звездам?» Мне показалось, что Королев говорит грубовато, даже обиженно. Видно, ему часто приходилось высказывать подобные мысли. И он вынужден был вновь и вновь повторять столь для него очевидное. Я молчал. «Эх, молодость, молодость! - сказал он. - Впрочем, это не главный ваш недостаток! Так что, беретесь?» Я кивнул головой. «Ну вот и добро. Желая всего хорошего - и до свидания. Меня дела ждут». Мы вышли из кабинета около одиннадцати часов вечера.

Необычно?
- Да как сказать... В общем-то крутилось обычное колесо нового заказа. Ругались, спорили, работали. Поначалу даже сложилось впечатление, что занимаемся обычным делом, пока Сергей Павлович не показал нам иное.

Он активно вмешивался?

- Главный решал кардинальные проблемы, поэтому он и назывался Главным. Но не упускал и мелочей. Впрочем, мелочами это казалось на первый взгляд, а потом, подумав и поразмыслив, можно было понять, что происходила психологическая перестройка, иная культура работы требовалась от людей. Но он вмешивался только в крайних случаях. И ставил новые задачи, когда определенный этап завершался. Помню последнее совещание перед отправкой спутника на космодром. Разговор большой и, прямо скажем, непростой. Ведущий докладывает об итогах испытаний ракеты и спутника. Но вместо «объект ПС» дважды говорит «объект СП». Сергей Павлович вдруг перебивает его: «СП - это я, Сергей Павлович, а наш первый, простейший спутник - это ПС! Прощу не путать!» Напряжение на заседании сразу же снялось... Он прекрасно чувствовал атмосферу, когда надо, ругал беспощадно, но если для пользы дела нужно было смягчить разговор, поддержать человека, Королев умел это делать. Он был прекрасным организатором, а значит, и психологом.

А как отметили запуск спутника?

- До самолета оставалось два часа. Наскоро, по-фронтовому выпили по чарке, поздравили друг друга.

По-фронтовому?

- На фронте как: выйдешь из боя, короткий отдых, праздник, если получаешь орден или благодарность Верховного, а потом снова бой. Наши характеры выковывал фронт. В промышленность и в нашу область после Победы пришли фронтовики. Они не считались ни со временем, ни с какими трудностями: ведь для нашего поколения эти сложности казались несравненно меньшими, чем военные. Уверенность в своих силах помогала и объединяла людей. Нравственный климат в коллективе был особый, у нас было общее прошлое, единая цель.

Война началась для тебя 22 июня 1941 года, а закончилась?

- Да, война для меня началась, как и для многих, на западной границе. Я служил в погранвойсках. Закончил воевать 15 мая 1945 года под Прагой. Но как-то особенно сильно и глубоко почувствовал я, что война окончена, когда стоял на Красной площади, а под сухую барабанную дробь к подножию Мавзолея летели фашистские знамена. Парад Победы. Этот день стал одним из главных в моей жизни.

Удивился, что попал на него?

- Поначалу даже не догадывался, почему отправляют в Москву. Это все было очень секретно. В боевых частях отобрали рослых, крепких ребят. Среди нас, кавалеристов, было немало таких. В частности, в команду попал и наш фельдшер Ефим Аронов. Именно он спас меня во время похода по тылам врага, когда я был ранен в шею. Он тоже был отобран для участия в параде. Тренировались в Москве держать строй. Что греха таить, за годы войны подзабыли о строевой подготовке. А потом и сам день парада... До сих пор не могу без волнения смотреть на кинокадры - будто вчера все происходило... Мы с Ефимом Ароновым, Николаем Дупаком и Станиславом Ростоцким (мы все воевали вме-

приходили. Однажды в кабинет начальника проектного отдела зашел Сергей Павлович. Снял пальто, повесил шляпу и сказал: «Ну-ка, друзья мои, показывайте, над чем вы здесь «расползлись»? И когда это кончится? Понимаете ли вы, что мы ждать больше не можем, когда вы утрясете свои противоречия? Или вы думаете, что вам позволительно будет еще месяц играть в варианты?» Через три часа решение было принято. Он всегда чувствовал, на каком именно участке стопорится дело. И вмешивался. Он умел принимать решения и уже не отступать от них.

Когда ты поверил, что человек все-таки полетит?

- А знаешь, пожалуй, вот когда. Однажды получили мы от смежников темно-зеленый ящик. Ящик как ящик. Все обступили его. Щелкнули замки крышки. Сразу же заглянули внутрь. А в ящике, выложенном изнутри мягким поролоном, - кресло космонавта. Не макетное. Настоящее.

А когда повстречали его владельца?

- В тот же день! Не успел я толком рассмотреть кресло, как вдруг вызывают к телефону. Слышу голос Королева: «Я через несколько минут приеду. И учтите, не один приеду, а с «хозяевами». Да, да, с «хозяевами», - повторил он. - Вы поняли? И приготовьтесь к тому, чтобы товарищам «хозяевам» все рассказать и объяснить. И чтобы не было лишнего шума». Вскоре Сергей Павлович привел космонавтов. Он представил нас. А гости сами назвали: Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский...

Ты называешь их в том порядке, как они потом полетели...

- Клянусь, не запомнил, чью руку пожал первому. А память выстроила их по стартам... Но отчетливо помню, что первым в «Восток» забрался Гагарин. Космонавты немного подождали, пока мы устанавливали кресло в корабле, затем Королев предложил им посидеть в корабле. Все с радостью согласилось. Юрий снял ботинки и первым начал осваивать «Восток». Символично? Не знаю. Но так было...

Ты провожал Гагарина до корабля?

- Нас было четверо. Вместе поднялись на лифте. Подошли к люку. Юрий спрашивает у нашего монтажника: «Ну как?» «Все в порядке, «первый» сорт, как СП скажет», - отвечает тот. «Раз так - садимся!»... Потом была объявлена часовая готовность. Надо прощаться с Юрием и закрывать люк. Он смотрит, улыбается, подмигивает. Пожал я ему руку, похлопал по плечу, отошел чуть в сторону. Крышку люка ребята накиннули на замки. Все вместе быстро заворачиваем гайки. Все! Вдруг настойчивый сигнал зуммера. Телефон. Голос Королева: «Правильно ли установлена крышка? Нет ли перекосов?» - «Все нормально».

- «Вот в том-то и дело, что ненормально! Нет КП-3...» Я похолодел. Значит, нет электрического контакта, сигнализирующего о нормальном закрытии крышки. «Что можете сделать для проверки контакта?» - спрашивает Королев. - Успеете снова снять и установить крышку?» - «Успеем, Сергей Павлович». Гайки сняты, открываем крышку. Юрий через зеркальце, прибитое к рукаву скафандра, следит за нами. Чуть-чуть перемигаем кронштейн с контактом и вновь закрываем крышку... Наконец долгожданное: «КП-3 в порядке! Приступайте к проверке герметичности...» Тридцатиминутная готовность. Мы покидаем площадку. Все, теперь мы только зрители...

Я понимаю, что тот великий день забываем до мельчайших подробностей. Его нельзя определить одним словом...

- Можно. Это сделал Гагарин.

И прошлое, и этот день, и будущее?

- Да. Всего одно слово - озорное и бессмертное, гагаринское «Поехали!»

Владимир ГУБАРЕВ